

Н. М. Ракитянский, М. С. Зинченко

РУССКИЕ ИСЛАМИСТЫ КАК ПОЛИТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

В работе представлен политико-психологический анализ феномена русских мусульман в контексте современной российской полиментальности. Авторы обращают внимание на то, что в условиях либеральных реформ имеет место инспирирование извне протестных анти-российских религиозно-идеологических умонастроений в молодежной среде. Речь идет о формировании такого политико-психологического феномена, как русский исламизм, при использовании психологической и духовной незрелости бессубъектной части русской молодежи. В статье обсуждаются политико-психологические аспекты целенаправленной трансформации сознания русских неопитов с использованием их инфантильности, низкого субъектного статуса и фрустрированной идентичности, что приводит к разрушению и модификации базовых структур национального менталитета в группах социального риска. Делается вывод о том, что транснациональными операторами политического ислама реализуется стратегическая программа по переформатированию идентификационных представлений и установок маргинальной части русской молодежи с целью разрушения русского ментального кода. Библиогр. 21 назв.

Ключевые слова: русские мусульмане, неопиты, исламизация, русский исламизм, русские исламисты.

N. M. Rakityanskiy, M. S. Zinchenko

POLITICAL AND PSYCHOLOGICAL MEASUREMENT OF RUSSIAN ISLAMISM

Political and psychological analysis of Russian Muslims in the context of modern transformation of semantic values of the Russian civilization is given in this work. The authors draw the attention to the fact that in the course of liberal reforms the formation of protest anti-Russian ideological phenomena is going on and they have a strongly marked destructive character. One of them is connected with the processes of islamisation of Russian young people and with such a political-psychological phenomenon as islamism. The article points out the cardinal determination of neophytes' consciousness that is accompanied by the modification of the world's model against the background of their infantilism, low subject status and frustrated identity. The authors come to the conclusion that the global operators of political Islam make use of psychological and spiritual predisposition of marginal part of Russian young people to realization of the strategic course to reformat their identification ideas and guidelines with the aim to destroy the Russian mental code. Refs 21.

Keywords: Russian Muslims, neophytes, islamisation, Russian islamism, Russian islamists.

К началу XXI в. ислам как часть системы глобально-политической полиментальности не только сохранил, но и утвердил свои религиозные представления, ценностные установки и цивилизационные приоритеты среди огромного числа

Ракитянский Николай Митрофанович — доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Российская Федерация, 119991, Москва, ул. Ленинские Горы, д. 1; drkayros@yandex.ru

Зинченко Максим Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, Пятигорский государственный лингвистический университет, Российская Федерация, 357532, г. Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, д. 9; zinzh81@mail.ru

Rakityanskiy Nikolai M. — Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; drkayros@yandex.ru

Zinchenko Maksim S. — Ph.D. of Political Science, associate professor, Pyatigorsk State Linguistic University, 9, prospect Kalinina, Pyatigorsk, 357532, Russian Federation; zinzh81@mail.ru

людей. Мусульманство, как и прежде, стремится нести веру в Аллаха всем народам. Доступность и незамысловатость устоев этой религии, отсутствие сложных метафизических положений, целостная картина мира и общества — всё это привлекает к исламу массы людей. Они надеются найти в нем защиту от несправедливости, царящей в современном мире.

С момента своего появления в VII столетии и по настоящее время ислам, будучи абсолютным единобожием, исповедует *догматы как высшие истины бытия* [1], которые императивно побуждают правоверных к безусловному отрицанию антропоцентризма и присущих ему ценностей современного глобального мира. Для мусульман характерно отвержение секуляризма, либеральной демократии, индивидуализма и вседозволенности в общественной, экономической, политической и иных сферах жизни. Так, теоретики Партии исламского освобождения (*Хизб ут-Тахрир аль-Ислами*), которая стремится к созданию всемирного Халифата, считают, что демократия делает творцом законов человека вместо Бога и тем самым является безбожием [2].

Пройдя период небывалого подъема и времена испытаний, к концу XIX в. почти весь мусульманский мир был раздроблен и превращен либо в колонии европейских стран, либо в зависимые от них государства. Ислам всегда стремился играть политическую роль, и борьба против колониализма привела его к небывалой политизации, процесс которой занял почти весь XX в.

В результате антиколониального движения возникает радикальный ислам — *исламизм*¹, который представляет собой уже не столько религиозно-богословский, сколько *политический* феномен, имеющий *наднациональный* характер. Объектом его экспансии становится не только евроатлантический Запад, но и Россия, где он являет себя *протестным* по форме, *антигосударственным* по идеологическому содержанию, *деструктивным* по целям *антирусским* и *антироссийским* политическим проектом. Стратегическим замыслом этого проекта является трансформация исторически сложившейся российской *полиментальности* в тоталитарно-политический *мономенталитет* посредством конструирования и формирования антироссийской *наднациональной религиозной идентичности*. Не без участия исламистов в последние годы в нашей стране нарастают процессы исламизации русского населения и происходит формирование таких феноменов, как *русские мусульмане*, *русские исламисты* и даже *русский национальный ислам*.

Россия, чей политический *modus vivendi* основывается на поликонфессиональном и, как следствие, полиментальном цивилизационном основании, болезненно реагирует на актуализацию напряжений в религиозной сфере. С одной стороны, наблюдается активизация деструктивных [3] религиозно-политических групп, с другой — сохраняется потенциал глубинной исторической традиции мирного сосуществования различных конфессий, позволяющий пока избежать конфликтных сценариев.

Русские мусульмане в исламском полиментальном пространстве России. Исламское пространство России всегда отличалось своей ментальной неоднородностью. Причиной тому — несколько факторов. Во-первых, это разнообразие автохтонных российских этносов, исповедующих ислам, с их традиционной

¹ *Исламизм* — радикальная исламистская идеология, исповедующая так называемый *чистый ислам*, которую еще называют *ваххабизмом*, *салафизмом*, *политическим исламом*, *исламским фундаментализмом*.

социальностью и духовностью, опорой на институт *обычного права*. Во-вторых, существование в исламе различных богословско-юридических школ — *мазхабов*², предусматривающих различия в применении на практике тех или иных исламских норм. В-третьих, немаловажную роль играл и продолжает играть конкретно-исторический внутривосточный контекст, связанный с выстраиванием системы предпочтений в государственно-исламских отношениях, когда лояльность к государству является залогом лояльности государства, и наоборот. Наконец, в-четвертых, имеет значение геополитический фактор с его мощным внешнеполитическим влиянием на формирование нетрадиционных для тех или иных общностей российских мусульман идеологических, политических и духовных ориентаций.

Для понимания логики устремленности этнических русских в изначально чуждое для них исламское ментальное пространство, а также характера трансформации их *ментального кода* [4, с. 60] важно уяснить, носители каких направлений и форм ислама выступают для них в качестве «галереи референтов» для подражания [3].

Среди ветвей ислама, получивших распространение в современной России, в том числе и в среде этнических русских, можно выделить две основные формы — *традиционную* и *нетрадиционную*. В качестве традиционного ислама принято рассматривать, с одной стороны, *тюркско-татарский* ислам *ханафитского*³ мазхаба, а с другой — *северокавказский* ислам ханафитского и *шафиитского*⁴ мазхабов, включая *суфизм*⁵. Несмотря на их традиционность для России, речь идет о принципиально разных и конкурирующих между собой исторических способах существования российского ислама.

Исламская традиция татар отражает богатую событиями историю российских мусульман, столетиями живших в православной империи. Русские князья и татарские ханы имели многовековые связи, в том числе и родственные, еще со времен Золотой Орды. Несмотря на то, что татар считали иноверцами, они всегда были частью внутривосточного пространства страны, неотъемлемым элементом российского социума. В силу этого, наряду с формированием конструктивно-симбиотической социокультурной полиментальности, происходило складывание общего для русского и тюркского населения страны политического менталитета.

История вхождения мусульман Северного Кавказа в общественно-политическое пространство России имела принципиально иной характер. Присоединение этих территорий к Российской империи состоялось в результате Кавказской войны 1817–1864 гг. В этот период у северокавказских этносов сформировалась устойчивая антироссийская установка на сопротивление, окрашенная в религиозно-политические тона *газавата*⁶. События конца XX — начала XXI в. показали, что она

² Мазха́б — школа шариатского права в исламе. Несмотря на то что основой исламского законодательства является Коран, между мазхабами существуют многочисленные различия.

³ Ханафитский мазхаб — самая распространенная из четырех правовых школ в суннитском исламе.

⁴ Шафиитский мазхаб — одна из правовых школ в суннитском исламе, основателем которой является Мухаммад ибн Идрис аш-Шафии. Этот мазхаб сложился под сильным влиянием ханафитского и маликитского (основатель — Малик ибн Анас) мазхабов.

⁵ Суфизм (араб. *تصوف*) — мистико-аскетическое течение в исламе, одно из основных направлений классической мусульманской философии.

⁶ *Газават* (араб. *دعوى لوسرلنا تاووزع*) — сражения и военные походы, в которых принимал участие пророк Мухаммед) — на Северном Кавказе «священная освободительная война» против Российской империи.

всё еще актуальна. Однако сложность культурной и политической адаптации северокавказских автохтонов к российской системе публичных отношений связана не только с этим. Трудностей добавляет полиментальный характер самого северокавказского общества, а также антагонистичность его сознания вестернизированному вектору современной российской модернизации.

В Российской империи до 1917 г. понятие «национальность» отсутствовало. Всех представителей тюркско-татарского и северокавказского ислама было принято называть «русскими мусульманами». Прилагательное «русский» при этом указывало на подданство этих народов. Сегодня граждан России, являющихся по происхождению этническими мусульманами, принято называть «российскими мусульманами». Вместе с тем категория «русские мусульмане» в последние два десятилетия обрела новый смысл и стала использоваться в отношении новообращенных из числа этнических русских и в некоторых случаях — в отношении русскоговорящих неофитов из числа представителей неисламских народов (украинцев, армян, греков, грузин и т. д.).

Переход русских собственно в *тюркско-татарскую* или *северокавказские* версии ислама не является массовым и если случается, то, как правило, имеет место:

— в связи с вступлением в брак (в большинстве случаев речь идет о новообращенных женах верующих мусульман, в единичных — о новообращенных мужьях);

— из конъюнктурных соображений социально-экономического характера (такое неофитство встречается среди представителей деловых кругов, а также сотрудников органов власти в регионах с традиционно преобладающим исламским населением);

— у обращенных в ислам военнослужащих, вернувшихся из афганского или «ичкерийского» плена (всего несколько десятков человек на всю страну);

— по идейным соображениям и результатам «духовного поиска» (это молодые люди, которых в исламе привлекает мистический опыт, играющий важную роль в суфизме) [5].

На фоне процессов реактуализации традиционного ислама о своем присутствии в мусульманском пространстве страны заявил другой фактор — *среднеазиатский*. В результате массовой миграции гастарбайтеров последние стали составлять основную массу прихожан мечетей, постепенно замещая собой не только татар, но и северокавказцев. При этом среднеазиатский ислам, учитывая его духовную близость к татарскому исламу, а также историю среднеазиатских обществ в составе российского государства представляется возможным рассматривать в качестве традиционного. Опасность же его «вторжения» связана с тем, что в среднеазиатской среде стремительно, как и она сама, распространяется нетрадиционный, политический ислам — исламизм, ставший еще одним влиятельным деструктивным фактором в России.

Исламизм стал проникать на территорию Северного Кавказа в середине 1980-х годов. В сложных этнополитических процессах середины 1990-х годов он, обладая мобильностью эпидемии, превращался в духовно-идеологическую и политическую платформу религиозно-террористического подполья [6]. Далее, стремительно распространяясь по стране, он предъявил вызов не только традиционному исламу, но и самому государству. Именно с ним связывается и большинство известных случаев русского неофитства.

Русские правоверные неопиты как новая ментально-политическая реальность. В России ислам является традиционной религией, второй после православия по численности исповедующего ее населения. При этом процессы ментальной экспансии исламизма вступили здесь в резонанс с *реисламизацией* [7], которая в известной мере была вызвана провозглашением в начале 90-х годов постулатов идеологического плюрализма. Приобщение людей к исламскому вероучению, его системе ценностей и образу жизни вышло за групповые рамки тех, кого принято называть этническими мусульманами. Появились неопиты — новые приверженцы ислама, *новообращенные мусульмы* (от араб. *أهل الإسلام* — «принявший ислам», «мусульманин», «покорный (Богу)»). Распространение мусульманской религии характерно сегодня для большинства стран Запада. Этнические немцы, французы, англичане, норвежцы и др., так же как и русские, в том числе русскоязычные армяне, греки и осетины, присоединяются к новой для себя интернациональной политизированной религии. Практически все неопиты проходят через сложный и болезненный этап ломки и трансформации религиозно-политических представлений, установок, норм, смыслов, ценностей и переживаний. Эти процессы сопровождаются коренными изменениями основ и организации их личной жизни и радикальным переформатированием модели мира [8]. Всё это требует от них кардинального пересмотра и даже разрушения семейного уклада, естественных связей со сложившимся социально-бытовым, культурно-традиционным и политическим контекстом.

Для России проблема неопитства является более актуальной, чем проблема исламизации страны за счет увеличения численности этнических мусульман, как коренных, так и прибывающих из среднеазиатского региона. Это связано с тем, что обсуждаемые проблемы несопоставимы по своему значению для национальной безопасности. Во втором случае речь идет либо об особенностях внутрироссийских демографических процессов, либо о несовершенстве миграционного законодательства. Что же касается исламистского неопитства, то, несмотря на значительное число научных и иных публикаций, приходится констатировать отсутствие в экспертном политологическом сообществе конвенционального понимания сути этого явления.

Сведения по общему количеству обращенных в ислам русских весьма противоречивы. Итоги Всероссийской переписи населения 2014 г. не вносят ясность в этот вопрос, так как они не содержат статистической информации о соотношении религиозной и этнической принадлежности граждан. Оценивая количество русских мусульман, исламовед Р. Силантьев полагает, что можно говорить не более чем о семи тысячах неопитов [5]. По мнению Рената Беккина, число новообращенных русских мусульман будет расти, но едва ли их доля в общем населении страны превысит несколько процентов [9]. Другие исследователи этой проблемы считают, что какие бы цифры ни озвучивались, принятие русскими ислама — это не только факт, но и тренд, который будет только усиливаться [10].

Феномен русского исламизма. С появлением исламизма формировалась его сложная и напряженная связь с исламом: каждый исламист — мусульманин, но не каждый мусульманин — исламист [11]. Исламизм, который принимают русские, отличается высокой мотивационной напряженностью, экстремистски ориентированной установкой и деструктивной активностью своих адептов. Особая роль тут

принадлежит фундаменталистскому движению *салафия*⁷, а также религиозно-политической партии, известной под названием «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами», которая признана в России террористической организацией. Русские состоят и в других исламистских формированиях, действующих на территории нашей страны, таких как «Таблигид жамаат», «Нурджулар» и др. [5], однако именно салафия и «Хизб-ут-Тахрир аль-Ислами» являются наиболее «распиаренными» платформами для деструктивного выражения политического и «духовного» протеста психологически дезадаптированной молодежи из числа русских.

Региональным центром, активно распространяющим идеологию салафии, традиционно выступает Северный Кавказ. При этом на его территории действуют не только, как принято считать, вооруженные бандформирования, объединенные в так называемый Кавказский Эмират и осуществляющие террористическую деятельность. Распространение получили также различные вариации так называемого *умеренного радикализма*, объединенные под общим названием «новый (внемазхабный) ислам». Несмотря на то что их сторонники не афишируют свою приверженность идеям салафизма, цель их активности столь же ультрарадикальна. Сегодня северокавказские салафитские *джамааты*⁸ действуют по всей стране, в том числе в самых отдаленных северных и восточных районах.

Подпольная деятельность в России «Хизб-ут-Тахрир» также нацелена на активное приобщение молодых людей к исламизму. Организации, как правило, функционируют под видом небольших групп-ячеек по пять человек, называемых *халакатами*. Они сформированы по типу кружков для изучения основ ислама и коллективного чтения распространяемой внутри групп религиозной литературы. Существование небольших ячеек позволяет сохранять высокую степень конспирации и живучести разветвленной сети экстремистских групп.

Иногда хизбуттахрировцы не скрывают своего присутствия. Так, они могут вывешивать символы организации на лобовые стекла своих автомобилей или устраивать, как это было в Уфе, демонстративные автопробеги с использованием своих флагов и других символов [12].

Идеей, объединяющей исламистов всех направлений, является создание транснационального глобального исламского теократического государства — Халифата. Их конкретной целью в России является изменение существующего политического строя посредством ведения против государства религиозно-политической войны — *джихада*, тотальной *шариатизации*⁹ всех сфер общественной жизни, а также исламизации максимального количества населения вне зависимости от его этнической и конфессиональной принадлежности. Исламистскими организациями ведется не только активная работа по пропаганде своих идей, но также социальная и политическая мобилизация возможных сторонников.

⁷ *Салафия* (араб. *سلفية* от араб. *سلف* «ас-салаф ас-салих» — «праведные предки») — радикальное направление в исламе, декларирующее необходимость следования нормам жизни и веры ранней мусульманской общины.

⁸ *Джамаат* (араб. *جماعة* — общество, коллектив, община) — форма объединения мусульман в группу с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой и т. п.

⁹ *Шариат* (араб. *شريعة* — букв. [правильный] путь, образ действия) — комплекс *предписаний*, которые закреплены Кораном и сунной пророка Мухаммеда. Шариат является источником конкретных норм, регулирующих практически все сферы повседневной жизни мусульман.

Современная история еще не знала более универсального и эффективного инструмента дестабилизации власти, дезорганизации государственного управления и подрыва основ правопорядка как в отдельном государстве, так и в мире в целом. Малоуязвимый, малозатратный и обходящийся относительно малым числом участников религиозно-политический экстремизм не только подрывает основы суверенных государств, но и трансформируется в вооруженные конфликты и войны. Потенциальная возможность завладения оружием массового поражения, финансовые ресурсы, сопоставимые с доходами отдельного государства, превращают терроризм в преступление, посягающее на международную безопасность [13].

В России объектом ментально-политической экспансии и первоочередных прозелитических устремлений исламистов является русское население. Это обусловлено следующими причинами:

- русские составляют абсолютное большинство в структуре российского социума, что делает их основным источником новобранцев;
- славянская внешность не привлекает к себе особого внимания со стороны правоохранительных органов и спецслужб, что особенно актуально при подготовке террористических актов и совершении других противоправных действий;
- сегодня русские — это наиболее *разобщенная и ментально дезориентированная* общность с *фрустрированной идентичностью* [14, с. 77], отсутствием идейно-духовных оснований как залога обретения утраченных смыслов жизни. Последнее делает русских особенно легкой добычей для исламистских организаций, действующих по принципам и технологиям тоталитарных сект.

Активная пропаганда идеологии радикального ислама и вовлечение неопитов в деятельность религиозно-экстремистских и этнорелигиозных террористических групп осуществляются везде, где это только возможно: в школах, вузах, спортивных организациях, ночных клубах, а также в тюрьмах среди заключенных. Часто вербовка осуществляется в ходе общения в социальных сетях.

На начальной стадии вербовки ключевую роль выполняют «коммуникаторы» [15] — харизматические, пассионарные и опытные представители этнических мусульман с деструктивной этикой из северокавказских или тюркских диаспор. Со временем активными «коммуникаторами» становятся и сами русские.

Сегодня славянские имена исламистов уже никого не удивляют. Появившийся в 2000-е годы феномен «русских ваххабитов» связан с именами Максима Панарьина (Муслима) и Павла Косолапова (Мохаммеда) — исполнителей кровавого теракта 2004 г., когда в результате взрыва в московском метро погиб 51 человек, а также взрывов на автобусных остановках в Краснодаре и Воронеже в 2003–2004 гг., унесших жизни 5 человек. Со временем список русских имен существенно расширился.

Одним из центров генерации русского исламизма на Северном Кавказе стал Ставропольский край. Предполагается, что первый русский джамаат был создан здесь бывшим имамом Пятигорской мечети Антоном Степаненко (Абдаллахом), который воспитал не одно поколение русских исламистов.

Уроженец Хабаровского края, переехавший на Кавказские Минеральные Воды в конце 1990-х годов вместе с матерью и братом, в возрасте 16 лет Степаненко принял ислам от отчима-мусульманина. Свою общину он начал создавать в поселке Иноземцево, где и жил. Степаненко ходил по дворам и собирал вокруг себя трудных подростков, выходцев из неблагополучных семей. Вскоре его деятельность

распространилась на весь регион: община рекрутировала студентов вузов из городов Пятигорска, Кисловодска, Минеральных Вод, а также из близлежащих сельских поселений.

Несколько десятков последователей Абдаллаха продолжили его «дело». Именно из этой салафитской общины вышли террористы-смертники Виталий Раздобудько и его жена Мария Хорошева, подорвавшие себя в дагестанском селе Губден 14 февраля 2011 г. Степаненко и Раздобудько сыграли весьма важную роль в становлении несостоявшихся террористов-смертников — Виктора Двораковского (осужден в 2012 г. на 23 года) и Владимира Скирко (тогда же осужден на 6 лет).

За последнее пятнадцать лет русские джамааты проявляли себя и на территории Поволжья [5].

О своей необычной встрече с русскими ваххабитами, но уже на территории Сибири, поведал монах Иоанн (Адливанкин), ведущий специалист московского Духовно-просветительского православного центра Св. Иоанна Кронштадтского по проблемам молодежных субкультур, деструктивных культов и религиозного экстремизма. Как рассказал о. Иоанн, он «сидел напротив симпатичных русских ребят, учащихся одного из колледжей российской системы образования в одном российском городе русской Сибири. Их было, кажется, девять, с виду — обычных русских мальчишек, не старше 15 лет. Необычным было то, что все они были ваххабитами... Самый тщедушный из моих собеседников, совсем с виду ребенок, когда узнал, что я был коллегой убитого несколько лет назад в Москве радикальными исламистами священника Даниила Сысоева, за моей спиной отчетливо произнес: “Нужно и этого замочить”. Когда я повернулся, поставленная ребром рука у его горла заканчивала демонстрацию того, как это нужно сделать. Я его внимательно рассматривал: у него было наивное лицо... и далеко не наивные глаза, которые он и не думал от меня отвести. Его друзья были с ним очевидно солидарны» [16].

Последовавший за этим разговор священника с родителями подростков ничего не дал. Безразлично внимая его наставлениям, они ответили: «Не пьют, не курят — чего еще?»

Список подобных примеров можно продолжать, добавляя в него всё новые и новые регионы России. Заметим, что большинство ультрарадикальных исламистов русского происхождения к концу первого десятилетия XXI в. были отправлены в места лишения свободы или физически уничтожены. Но к началу второго десятилетия появилось новое поколение русских исламистов, вызванное к жизни усилиями и активной прозелитской деятельностью Александра Тихомирова, известного под именем Саида Бурятского, и других исламистских активистов русского происхождения.

Что же должно произойти в жизни молодого человека, чтобы он принял такую веру и при этом безусловно передал свою и без того дефицитную субъектность внешней и чуждой ему силе?

Привлекательность и действенность пропаганды радикального ислама в русской молодежной среде в значительной мере связаны с интенсивными переживаниями состояния *социальной фрустрации* большинством неофитов. Негативные чувствования и умонастроения коренятся в их семейной и бытовой неустроенности, персональной не востребоваемости, профессиональной нереализованности, личностном дефиците и духовной пустоте. Нельзя не учитывать и объективный

политико-психологический контекст, когда молодой человек сталкивается с равнодушием, унижениями и оскорблениями со стороны представителей власти, коррупцией и беззаконием. В таких случаях закономерными становятся попытки найти справедливость, которые в отсутствие видимых альтернатив приводят к принятию чуждых и саморазрушительных форм самоидентификации, проявляющихся в том числе и в эксцессах террористически-суицидальной практики.

Многие из обращенных ранее злоупотребляли алкоголем и наркотиками, имели устойчивую репутацию «неудачников» и относились к различным группам социального риска. Вводимые же с принятием ислама жесткие запреты на алкоголь, нецензурную лексику, беспорядочные половые связи и т. д. положительно влияют на их самооценку и повышают авторитет среди ближайшего окружения. Подобные психологические, моральные и социальные «бонусы» от нового образа жизни воспринимаются исключительно как «достоинства ислама» [15].

Одновременно всё неисламское начинает вызывать у неопитов резко негативное отношение. Формируется психологическая установка на необходимость борьбы со всем, что противоречит новым представлениям, нормам и убеждениям. Чаще всего эта борьба воспринимается как «джихад меча» — вооруженная война против «неверных» (*курф*), «многобожников» (*шикр*) и «лицемеров» (*мурдатт*) [17]. При этом обвиненными в неверии (*такфир*) могут оказаться не только представители других конфессий и атеисты, но и мусульмане, заподозренные в пренебрежении исламскими догматами и традициями. Любое преступление против данных категорий лиц получает среди исламистов безусловное и солидарное одобрение и воспринимается как проявление «высшей доблести на пути Аллаха». Возможность при этом погибнуть самому означает честь стать *шахидом* — «мучеником за веру».

Происходит усвоение новых представлений, образов, символов и понятий, переформатирование картины мира, модификация ценностной матрицы неопита с последующей интериоризацией заданных извне смыслов, идентичности, целей жизни и уяснением ментальной этики исламизма при интенсивном переживании «новой реальности». Однако эта трансформация не соотносится с процессами естественного и поэтапного становления мировоззрения в контексте этнокультурной, религиозной и политической социализации. Агенты прозелитизма активно используют в отношении обращаемых, которым свойственны чрезвычайно низкий субъектный статус [18] и неразвитое идентификационное самосознание, жесткие суггестивные психотехнологии, которые структурируют сознание неопитов по идеологическим и этическим шаблонам исламизма, формируя у них аддиктивную, зависимую модель поведения.

Низкий субъектный статус неопитов уместно проиллюстрировать результатами исследования профессора Ю. М. Антоняна. Он пишет, что общей чертой многих экстремистов является тенденция к экстернализации — поиску источников личных проблем вовне. Именно поэтому внешние источники становятся объектами деструктивного поведения. И хотя эта черта не является собственно паранойяльной, имеет место сверхсосредоточенность на ней. Такая особенность служит психологической и политико-идеологической основой группового сплочения и принадлежит к числу ведущих. Она активно питает ненависть к представителям иных религиозных, национальных и социальных групп, побуждает приписывать им самые отвратительные черты, объяснять собственные неудачи только происками,

коварством и злобой врагов [6]. Исламовед Р. Патеев обращает внимание на то, что деятельность новообращенных русских экстремистов всегда радикальнее, чем деструктивная практика «этнических мусульман» [17, с. 150].

По мнению дагестанского эксперта по работе с молодежью З. Махмудова, радикальность русских мусульман имеет чисто психологическую причину — конфликт между новым исламским сознанием и подсознательным ощущением того, что состояние, связанное с пребыванием в мусульманской религии, для русского ненормально. Как следствие — непредсказуемое поведение, маргинализация и далее по цепочке. «Таких людей можно привести куда угодно», — полагает эксперт. Он также подчеркивает, что русские мусульмане становятся ваххабитами потому, что, будучи далеки от православия, не имеют «прочной духовной опоры» [19].

Бывший муфтий Татарстана Г. Исхаков связал приверженность русских мусульман к радикальным толкам ислама с присутствием в их менталитете особенностей, не характерных ни для христианского менталитета, ни для менталитета представителей традиционного ислама. Подобные отличия он объяснил тем, что ислам преимущественно принимает маргинальная часть русской и русскоязычной молодежи, которая самоутверждается через отрицание существующего государственно-политического строя либо ищет и находит банальное средство оправдания своих криминальных устремлений. По его мнению, «примеры русских, перешедших в ислам, не слишком обнадеживающие» [20].

Подобная «безнадежность» объясняется тем, что в отсутствие ментального иммунитета исповедание исламизма разрушает этнорелигиозные, морально-нравственные и духовно-мировоззренческие начала адептов. Поскольку русские с низким субъектным статусом и в связи с этим обремененные синдромом диффузной идентичности [21] не имеют внятных представлений ни о православии, ни о традиционном российском исламе, они становятся ментально уязвимыми перед идеологией исламизма. Именно поэтому своеобразный комплекс неполноценности, связанный с неисламским происхождением, русские стараются компенсировать показной «правоверностью», а «преданность делу джихада» — бессмысленной и беспредельной жестокостью по принципу «массированного возмездия» окружающему миру, в котором они не смогли или не захотели найти достойного места.

Заключительные замечания. На сегодняшний день духовно-мировоззренческие основания русского национального менталитета являются предметом ожесточенной идеологической и политической борьбы. Рассмотренные аспекты процесса радикальной исламизации в молодежной среде демонстрируют не только локальную динамику русского менталитета и ее особенности. Речь идет о *наднациональном исламистском проекте* по качественной трансформации политических представлений и ценностно-смысловых ориентаций русского человека и общества, а значит, о деструкции, внутреннем разрыве и реформатировании русского ментального кода. Активность радикальных религиозно-политических организаций, навязывающих альтернативные «программы решения» общественно-политических проблем, осуществляется в контексте процессов глобализации и в условиях беспрецедентной информационно-психологической войны против российского общества и государства. Поэтому феномен русских исламистов необходимо исследовать в качестве одного из острых ментальных вызовов, направленных на подрыв развития нашей страны, которая ищет сейчас опору в отечественных

национально-исторических традициях, религиозно-культурном опыте и духовных основах русской цивилизации.

Литература

1. *Ракитянский Н. М.* Рассмотрение исламского менталитета (политико-психологическое эссе) // *Международные отношения.* 2014. № 2. С. 299–314.
2. *Наумкин В. В., Кузнецов В. А.* Исламский мир и исламские организации в современной мирополитической системе // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки.* 2013. № 4. С. 31–54.
3. *Дейнека О. С., Забарин А. В.* Психолого-политические основания группового деструктивного поведения // *Современные проблемы науки и образования.* 2014. № 6. URL: www.science-education.ru/120-15837 (дата обращения: 01.03.2015).
4. *Амельченко С. Н.* Структура ментального кода российской культуры как основа целостности ее бытия // *Вестн. Челябинского гос. ун-та.* 2013. № 13 (304). С. 59–67.
5. *Русские мусульмане сегодня* // *Вопросик.* 24.03.2014. URL: <http://voprosik.net/russkie-musulmane-segodnya/> (дата обращения: 01.03.2015).
6. *Этнорелигиозный терроризм* / Ю. М. Антонян, Г. И. Белокуров, А. К. Боковиков и др.; под ред. Ю. М. Антоняна. М.: Аспект Пресс, 2006. 320 с.
7. *Ракитянский Н. М., Зинченко М. С.* Политико-психологическая динамика реисламизации Северного Кавказа // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12.* 2014. № 2. С. 52–70.
8. *Грановская Р. М.* Психология веры. 2-е изд., перераб. СПб.: Питер, 2010. 441 с.
9. *Беккин Р.* Русские мусульмане: заблудшая секта или авангард российской уммы // *Дружба народов.* 2012. № 10. С. 152–172.
10. *Романов А.* Исламизация России — вопрос времени? // *KM.RU.* 22.03.2013. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/03/22/pravitelstvo-rossii/706698-islamizatsiya-rossii-vopros-vremeni> (дата обращения: 01.03.2015).
11. *Добаев И.* Ислам и исламизм: компаративистский анализ // *информационно-аналитический портал «Евразия».* 22.07.2011. URL: <http://evrazia.org/print.php?id=1730> (дата обращения: 01.03.2015).
12. *Исламу придется идти по пути модернизации: интервью с Ринатом Патеевым* // *Эксперт.* 25.03.2013. URL: <http://expert.ru/south/2013/12/islamu-pridyotsya-idi-po-puti-modernizatsii> (дата обращения: 01.03.2015).
13. *Павлинов А. В.* Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 48 с.
14. *Ракитянский Н. М., Зинченко М. С.* Ментально-политическая экспансия исламизма на Северном Кавказе // *Геополитический журнал.* 2014. № 6. С. 66–80.
15. *Данилова Р. О.* Особенности и перспективы профилактики экстремистских проявлений в среде представителей мусульманской молодежи из числа неопитов // *Основные идеологические установки религиозно-экстремистских организаций, действующих в Северо-Кавказском федеральном регионе. Формирование информационного контента в целях дерадикализации молодежи. Материалы региональной научно-практ. конф., 25 июня 2013 г., Пятигорск.* URL: http://nac.gov.ru/files/sbor3_ruatigorsk.pdf (дата обращения: 01.03.2015).
16. *Романов А.* Радикальный ислам пустил корни в Сибири и вербует в свои ряды русских подростков // *KM.RU.* 23.12.2013. URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/12/23/mezhnatsionalnye-otnosheniya-v-rossii/728498-radikalnyi-islam-pustil-korni-v-sib> (дата обращения: 01.03.2015).
17. *Косов Г. В.* Политическая концепция ислама: проблемы цивилизационного и политологического анализа. Ставрополь: Возрождение, 2008. 219 с.
18. *Ракитянский Н. М.* Концепт и принцип субъектности в политико-психологических исследованиях // *Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы: материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва, 21–22 ноября 2014 г. М.: РИЦ МГГУ им. М. А. Шолохова, 2014. С. 408–410.*
19. *Русские мусульмане: чужие среди своих* // *Georgia Times.* 07.09.2012. URL: <http://www.georgiatimes.info/articles/80251-2.html> (дата обращения: 01.03.2015).
20. *Гусман Исхаков:* «Меня, как муфтия, не радует, что русские принимают ислам. Человек не должен каждый год менять свою нацию, свою религию» // *Портал-Credo.Ru.* URL: <http://www.portalcredo.ru/site/?act=authority&id=111> (дата обращения: 01.03.2015).
21. *Силантьева М. В.* Диффузная идентичность — современная версия гражданской идентичности // *Вестник МГИМО-Университета.* 2012. № 2. С. 173–179.

References

1. Rakitianskii N. M. Rassmotrenie islamskogo mentaliteta (politiko-psikhologicheskoe esse) [Consideration of the Islamic mentality (politico-psychological essay)]. *Mezhdunarodnye otnosheniia [International relations]*, 2014, no. 2, pp. 299–314. (In Russian)
2. Naumkin V. V., Kuznetsov V. A. Islamskii mir i islamskie organizatsii v sovremennoi miropoliticheskoj sisteme [The Islamic world and the Islamic organizations in the modern world political system]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki [Vestnik. Mosk. Univ. Ser. 12. Political science]*, 2013, no. 4, pp. 31–54. (In Russian)
3. Deineka O. S., Zabarin A. V. Psikhologo-politicheskie osnovaniia gruppovogo destruktivnogo povedeniia [Psychological and political reasons of the destructive group behavior]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia [Modern problems of science and education]*, 2014, no. 6. (In Russian) Available at: www.science-education.ru/120-15837 (accessed 01.03.2015).
4. Amel'chenko S. N. Struktura mental'nogo koda rossiiskoi kul'tury kak osnova tselostnosti ee bytiia [Russian culture mental code structure as basis of its being]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Vestnik of Chelyabinsk State University]*, 2013, no. 13 (304), pp. 59–67. (In Russian)
5. Russkie musul'mane segodnia [Russian Muslims today]. *Voprosik [Question]*, 24.03.2014. (In Russian) Available at: <http://voprosik.net/russkie-musulmane-segodnya/> (accessed 01.03.2015).
6. *Etnoreligiozniy terrorizm [Ethnoreligious terrorism]*. Iu. M. Antonian, G. I. Belokurov, A. K. Bokovikov i dr.; Ed. by Iu. M. Antoniana. Moscow, Aspekt Press, 2006. 320 p. (In Russian)
7. Rakitianskii N. M., Zinchenko M. S. Politiko-psikhologicheskaiia dinamika reislamizatsii Severnogo Kavkaza [Political and psychological dynamics of re-Islamization of the Northern Caucasus]. *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 12 [Vestnik Mosk. Univ. Ser. 12]*, 2014, no. 2, pp. 52–70. (In Russian)
8. Granovskaia R. M. *Psikhologiiia very. 2-e izd., pererab. [Psychology faith. 2nd ed., rev.]*. St. Petersburg, Piter Publ, 2010. 441 p. (In Russian)
9. Bekkin R. Russkie musul'mane: zabludshaia sekta ili avangard rossiiskoi ummy [Russian Muslims: the stray sect or the avanguard of the Russian Ummah]. *Druzhiba narodov [J. Friendship of Peoples]*, 2012, no. 10, pp. 152–172. (In Russian)
10. Romanov A. *Islamizatsiia Rossii — vopros vremeni? [Islamization of Russia — a matter of time?]*. KM.RU. 22.03.2013. (In Russian) Available at: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/03/22/pravitelstvrossii/706698-islamizatsiya-rossii-vopros-vremeni> (accessed 01.03.2015).
11. Dobaev I. *Islam i islamizm: komparativistskii analiz [Islam and Islamism: Comparative Analysis]*. *informatsionno-analiticheskii portal «Evraziia» [The information-analytical portal "Eurasia"]*. 22.07.2011. (In Russian) Available at: <http://evrazia.org/print.php?id=1730> (accessed 01.03.2015).
12. *Islamu pridetsia idti po puti modernizatsii»: interv'iu s Rinatom Pateevym [accessed]*. *Ekspert [Expert]*. 25.03.2013. (In Russian) Available at: <http://expert.ru/south/2013/12/islamu-pridyotsya-idti-po-puti-modernizatsii> (accessed 01.03.2015).
13. Pavlinov A. V. *Kriminal'nyi antigosudarstvennyi ekstremizm: ugovovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty. Authoref. diss. dokt. iurid. nauk [The criminal antistate extremism: criminally-legal and criminological aspects. Thesis of Dr. jurid. sci. diss.]*. Moscow, 2008. 48 p. (In Russian)
14. Rakitianskii N. M., Zinchenko M. S. Mental'no-politicheskaia ekspansiiia islamizma na Severnom Kavkaze [Mentally-political expansion of Islam in the North Caucasus]. *Geopoliticheskii zhurnal [Geopolitical Journal]*, 2014, no. 6, pp. 66–80. (In Russian)
15. Danilova R. O. [Features and prospects for the prevention of extremism among Muslim's youth from among the neophytes]. *Osnovnye ideologicheskie ustanovki religiozno-ekstremistskikh organizatsii, deistvuiushchikh v Severo-Kavkazskom federal'nom regione. Formirovanie informatsionnogo kontenta v tseliakh deradikalizatsii molodezhi. Materialy regional'noi nauchno-prakt. konf., 25 iyunia 2013 g., Piatigorsk.* [The main ideological attitudes of religious extremist organizations in the North Caucasus Federal Region. The formation of the information content in order to de-radicalization of youth. Proceedings of regional scientific conference, June 25, 2013, Pyatigorsk]. (In Russian) Available at: http://nac.gov.ru/files/sbor3_pyatigorsk.pdf (accessed 01.03.2015).
16. Romanov A. *Radikal'nyi islam pustil korni v Sibiri i verbuet v svoi riady russkikh podrostkov [Radical Islam has taken root in Siberia and recruits the Russian teens]*. KM.RU. 23.12.2013. (In Russian) Available at: <http://www.km.ru/v-rossii/2013/12/23/mezhnatsionalnye-otnosheniya-v-rossii/728498-radikalnyi-islam-pustil-korni-v-sib> (accessed 01.03.2015).
17. Kosov G. V. *Politicheskaiia kontseptsiiia islama: problemy tsivilizatsionnogo i politologicheskogo analiza [The political concept of Islam: the problems of civilizational and political analysis]*. Stavropol', Vozrozhdenie Publ, 2008. 219 p. (In Russian)

18. Rakitianskii N. M. [The concept and the principle of subjectivity in the political-psychological research]. *Rossiiskaia politicheskaiia nauka: istoki, traditsii i perspektivy: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (s mezhdunarodnym uchastiem). Moskva, 21–22 noiabria 2014 g.* [*Russian political science: origins, traditions and perspectives: Proceedings of the Scientific Conference (with international participation). Moscow, November 21–22, 2014*]. Moscow, RITs MGGU im. M. A. Sholokhova, 2014, pp. 408–410. (In Russian)

19. Russkie musul'mane: chuzhie sredi svoikh [Russian Muslims: strangers from within]. *Georgia Times*. 07.09.2012. (In Russian) Available at: <http://www.georgiatimes.info/articles/80251-2.html> (accessed 01.03.2015).

20. Gusman Iskhakov: «Menia, kak muftiia, ne raduet, chto russkie prinimaiut islam. Chelovek ne dolzhen kazhdyi god meniat' svoiu natsiiu, svoiu religiiu» [“As the Mufti I am not pleased that the Russian convert to Islam. One should not change every year their nation, their religion”]. *Portal-Credo.Ru*. (In Russian) Available at: <http://www.portalcredo.ru /site/?act=authority&id=111> (accessed 01.03.2015).

21. Silant'eva M. V. Diffuznaia identichnost' — sovremennaia versiiia grazhdanskoi identichnosti [Diffuse identity — a modern version of civil identity]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [*Vestnik MGIMO-University*], 2012, no. 2, pp. 173–179. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 29 июня 2015 г.